

Рассказ о любви, основанный
на реальных событиях

ИСТОРИЯ ДЕБОРЫ САМСОН

ЭМИ ХАРМОН

AMY HARMON

*Girl called
Samson*

ЭМИ ХАРМОН

*История
Деборы
Самсон*

Другие книги Эми Хармон

Young Adult романы

Медленный танец в чистилище

Выпускной бал в чистилище

Современная проза

Другая Блу

Босиком по траве

Меняя лица

Бесконечность + 1

Закон Моисея

Песнь Давида

Исторические романы

Из песка и пепла

О чем знает ветер

Потерянные сердца

Книга песен Бенни Ламента

Любимый незнакомец

Романтическое фэнтези

Птица и меч

Королева и лекарь

Первая дочь

Второй сын

Посвящается моим дочерям

Это выдуманная история. Имена, личности, организации, места, события и факты — вымысел или плод воображения автора.

Крепость и достоинство — одежда ее,
и весело смотрит она в будущее.

Книга притчей Соломоновых 31:25*

---

* В тексте цитаты из Библии даны в каноническом синодальном переводе, иногда с незначительными изменениями, позволяющими переводчику более точно передать оригинал (здесь и далее — примечания переводчика).

3 января 1827 года

Дорогая Элизабет!

Сегодня я много вспоминала о вас. Начался новый год, хотя, подозреваю, для меня он станет последним. Теперь я чаще блуждаю в воспоминаниях, чем живу настоящим: хотя я нередко пересказывала фрагменты своей истории, но ни разу не записала ее целиком, от начала и до конца.

Многое из того, о чем я думаю написать, вам хорошо известно, но я хочу посвятить свои записи вашим дочерям. И своим детям. И будущим поколениям девочек, которые еще не появились на свет.

Один газетный репортер, Герман Манн, — он называет себя романистом — подолгу расспрашивал меня, намереваясь написать книгу, и я надеялась, что он изложит мою историю так, как я ее поведала. Но некоторые вещи попросту невозможно объяснить, тем более незнакомцу. Записки мистера Манна едва ли передают то, что мне довелось пережить; чтобы понять, почему я сделала тот, а не иной выбор, нужно знать предысторию. Вот почему правильнее будет, если я сама напишу обо всем, пусть даже и оскорбив этим особо чувствительные сердца. Я давно к такому привыкла.

Записи, которые я делала в последние годы Революции, слишком обрывочны и кратки, но былое навеки запечат-

лелось в моей памяти: я вижу его во сне. Ту мою жизнь словно бы прожил кто-то другой, и все мы — я, мое тело, даже мои дети — несем в себе отзвуки чужой жизни.

Мне казалось, что нет ничего хуже жалкого, болезненного существования, на которое я была обречена. Я боялась, что война закончится прежде, чем мне удастся воспользоваться единственным шансом на свободу. Но на мою долю выпало увидеть слишком много крови и смертей. Я видела, как умирали юноши и как взрослые мужчины плакали от бессилия. Видела, как трусость одерживала верх, а храбрость терпела крах. А еще я ясно поняла, чего стоит осуществление заветной мечты.

Если бы я знала обо всем этом заранее, то, возможно, пошла бы другой дорогой. И теперь не страдала бы от беспрестанной боли в ноге, не мучилась из-за той цены, которую мне пришлось заплатить за свободу — и мою, и моей страны. Но тогда я не встретила бы его. И не сумела бы по-настоящему узнать себя.

Меня часто спрашивают, почему я так поступила. Мистер Манн много раз задавал мне этот вопрос, но я не сумела дать на него простой и ясный ответ. Чтобы ответить на него, нужно услышать мой рассказ целиком. Я знаю лишь одно: когда желание поселилось в моей душе, оно беспрерывно росло, пока не заполнило все мое существо, не заменило мне воздух. Отказаться от него значило бы похоронить надежду, что теплилась у меня в груди. Но ведь надежда дает нам силы жить.

Будь я красивой и не такой высокой, у меня, быть может, была бы другая мечта. Я много размышляла об этом. Как часто внешний облик определяет наши стремления и порывы! Интересно, насколько сильно повлияла на мою жизнь моя внешность.

Меня называли в честь матери, а ее, в свою очередь, в честь библейской пророчицы Деборы. Но мне не хотелось становиться пророчицей. Мне хотелось быть воительницей, подобно Иаили*, убившей могущественного военачальника и освободившей свой народ от гнета и притеснений. Но прежде всего мне хотелось освободиться.

Когда мне было пять лет, я осталась одна на этом свете. Когда мне исполнилось восемь, стала прислуживать старой вдове, которая обращалась со мной как с собакой. В десять меня отослали работать на ферму, и я обязалась оставаться там, пока мне не исполнится восемнадцать.

Невозможно описать, каково это — не иметь права решать собственную судьбу, во всем зависеть от других, повиноваться, когда тебя отправляют на новое место. Я была лишь ребенком, когда меня отдали в услужение, но это оказало на меня сильнейшее влияние, зажгло в душе огонь возмущения и протеста, который мне так и не удалось погасить.

Быть может, тогда-то я и стала солдатом.

Быть может, тогда-то все и началось.

---

* Женщина из племени кенеев, убившая ханаанского военачальника Сисару; упоминается в четвертой главе Книги Судей наряду с израильской судьей и пророчицей Деборой (или Деборой).

1

Ход событий*

15 марта 1770 года

ЗИМА УЖЕ НАЧАЛА отступать, но до лета было еще далеко, и лошадь, на спине которой мы ехали, шла по размокшей от талого снега, колеистой дороге неровным аллюром, низко опустив голову. Священник, сидевший впереди, защищал меня от жгучего холода раннего утра, но я все равно зябко ежилась у него за спиной, не глядя на плоские, пустые поля, на голые ветви деревьев, тянувшиеся к небесам в ожидании весны. Я плотнее подоткнула юбки, прикрывая колени: платье было мне слишком мало, а шерстяные чулки велики, так что между ними и подолом оставалась полоска кожи, которая терлась о лошадиные бока на каждом шагу. Другой одежды у меня не было. В мешке за спиной лежали одеяло, расческа и Библия, прежде принадлежавшая моей матери.

— Ты умеешь читать, Дебора? — спросил подобный Сильванус Конант.

---

* Названия глав книги отсылают к строкам Декларации независимости США.

Он бросил вопрос через плечо, словно кинул птичке хлебные крошки. Это были его первые слова с тех пор, как мы тронулись в путь, и сначала я решила не отвечать. Священник часто навещал вдову Тэтчер и всегда был ко мне добр, но в тот день я на него сердилась. Ведь он приехал, чтобы увезти меня. Вдова Тэтчер больше не нуждалась в моей помощи, и мне предстоял очередной переезд. Я знала, что не буду скучать по побоям, сердитым окрикам и бесчисленным поручениям, которые никогда не могла выполнить так, как хотелось старухе, но не верила, что на новом месте моя жизнь изменится к лучшему.

Я понимала, что отныне буду жить в семье. В чужой. Моя родная семья исчезла, развеялась, словно прах на ветру. Братья и сестра жили у чужих людей, в услужении, и меня ждало то же. Мать не смогла нас прокормить. Она и себя едва содержала. Я уже несколько лет не виделась с ней, а теперь, перебравшись в Мидлборо, вряд ли увижу вновь.

— Да. Я бегло читаю, — сдалась я наконец. Уж лучше говорить, чем молча кипеть от злости. — Мама научила меня читать, когда мне было четыре.

— Неужели? — переспросил священник.

Лошадь негромко заржала, словно не веря моим словам. Я сдвинулась назад, стараясь не слишком прижиматься к своему спутнику, но сидеть на спине старой кобылы было неудобно, к тому же я не привыкла так путешествовать.

— Мать говорила, что умение читать досталось мне по наследству. Она правнучка Уильяма Брэдфорда. Вы о нем слышали? Он приплыл в Америку

на корабле «Мэйфлауэр». Переселенцы выбрали его главой. — Мне захотелось представить свою мать в выгодном свете — хотя бы для того, чтобы создать благоприятное впечатление о самой себе.

— Конечно, слышал. Таким предком можно гордиться.

— Мой отец — из Самсонов. На борту «Мэйфлауэр» был человек с такой фамилией. Его звали Генри. Мать говорила, что он приплыл в Новый Свет совершенно один.

— Значит, он был смельчаком.

— Да. Но мой отец не смельчак.

Преподобный Конант ничего не ответил, и я замолчала, стыдясь, что не сумела сдержаться.

— Ты знаешь Библию? — спросил он, словно давая мне возможность исправить свою резкость.

— Да. И помню наизусть катехизис*.

— Возможно ли такое?

Я принялась по памяти повторять вопросы и ответы — произведение Вестминстерской ассамблеи.

— Силы небесные, дитя! — прервал он меня спустя несколько минут.

Я остановилась на полуслове. Вдову Тэтчер мои знания никогда не радовали: она бранила меня, называла гордячкой. Я ожидала, что священник поступит так же.

— Это достойно всяческих похвал, — неожиданно объявил он. — Ты меня поразила.

---

* Имеются в виду Большой и Малый катехизисы, разработанные Вестминстерской ассамблеей богословов в XVII в., в рамках реформирования Английской церкви; эти катехизисы — одна из основ пресвитерианства.

— Я могу продолжить, — ответила я, прикусив губу, чтобы не выдать радости. — Я знаю наизусть весь катехизис.

— А писать ты умеешь? — спросил он.

Этот вопрос меня смутил. Читать было проще, чем писать. Вдова Тэтчер требовала, чтобы я читала ей, порой по много часов подряд, но ей не нравилось, когда я марала бумагу, пытаюсь писать буквы.

— Умею, — сказала я. — Но не так хорошо, как читать. Мне нужно еще учиться.

— Одно дело читать мысли другого человека, и совсем другое — выражать собственные. К тому же бумага дорого стоит, — заметил священник.

— Да. А у меня нет денег. — Меня удивило, что он вообще завел со мной этот разговор. Ведь я была лишь девчонкой, к тому же служанкой. Но его слова дали мне надежду. — Как вы думаете, Томасы позволят мне ходить в школу? — спросила я.

Теперь с ответом замешкался он.

— Миссис Томас отчаянно нуждается в помощи по хозяйству.

Я вздохнула. Ничего удивительного. В школу я не пойду.

— Но если хочешь, я буду привозить тебе книги, — предложил он.

От изумления я едва не свалилась с лошади.

— Какие? — выпалила я, хотя мне было все равно. Из книг в доме у вдовы Тэтчер были только Библия и катехизисы, да еще собрание карт и религиозных брошюр, прежде принадлежавших преподающему Тэтчеру. Я читала старой даме и книги, и даже брошюры, в которых, правда, не содержалось

ничего, кроме проповедей. Страницы из дневников Уильяма Брэдфорда, переписанные рукой моей матери, были куда увлекательнее. И все же мне отчаянно хотелось почитать что-то еще.

— Какие книги ты любишь? — спросил священник.

— Истории. Мне хотелось бы читать разные истории. Приключения.

— Что ж, хорошо. А еще я привезу тебе бумагу и чернила, чтобы ты упражнялась. Ты сможешь писать письма.

— Но кому я стану их отправлять?

Он промолчал, и я испугалась, что повела себя слишком дерзко. Вдова Тэтчер часто ругала меня за наглость, хотя я всегда в точности выполняла ее поручения и говорила с ней, только когда она ко мне обращалась.

— Мне бы хотелось заниматься вместе с кем-то еще, — прибавила я. Я мечтала о друге. Последние пять лет я провела в обществе старых дам, утомленных и измотанных жизнью. — Быть может, миссис Томас мне позволит.

— Возможно.

Больше он ничего не ответил, а я не смела даже надеяться, что он сдержит обещание.

— Томасы живут в паре миль от города. Хорошая прогулка выходит. Вокруг совсем никого. У них своя ферма, славное место. Думаю, тебе там будет хорошо.

Отвлечшись от мыслей о своей несчастной судьбе, я наконец заметила, что занимается чудесный день. Мы ехали слишком медленно, потому

что копыта кобылы, облепленные землей, вязли в грязи раскисшей дороги, но утро уже окрасило небо в голубой цвет, солнце начало согревать мне спину, а легкий ветерок разворошил светлые волосы. Я много дней провела взаперти — старалась не отходить от вдовы Тэтчер, предупреждая каждое ее желание. Мир, расстилавшийся за пределами душных комнат, не знавших свежего воздуха, давно звал меня: моим легким, всему телу отчаянно не хватало ветра, движения. Знай я, что священник согласится, попросила бы его спустить меня на землю и побежала рядом с лошадьёю. Но дорогу сильно развезло, да я и не верила, что кому-то захочется удовлетворить мою просьбу, и потому промолчала.

Когда я в первый раз увидела вдали дом, окруженный полями и лесом, то ощутила надежду. Дом казался ухоженным, а окна, входная дверь и калитка, отделявшая двор от дороги, складывались в дружелюбную гримасу. Когда мы подъехали ближе, дверь распахнулась, и навстречу нам, придерживая юбки, выбежала женщина. Следом за ней спешил черноволосый мальчонка. Едва мы остановились, священника окликнул коренастый мужчина в шляпе и в рубашке с закатанными до локтей рукавами: казалось, он бросил работу, чтобы приветствовать нас.

— Не бойся, Дебора, — мягко сказал священник. — Здесь тебя не обидят.

От амбара и с полей к нам шли мальчишки: они были разного возраста, хотя почти все казались старше меня. Преподобный Конант приветствовал каждого: он знал всех по имени, но я не поняла, кого из мальчишек как зовут. Их было так много, а

я слишком мало общалась с другими детьми, тем более с мальчиками. Они внимательно наблюдали, как их отец помогает мне слезть с лошади: от волнения я будто приросла к ее крупу и не сумела сама спуститься на землю.

Дьякон Иеремия Томас мрачно хмурился: казалось, недовольство, гнездившееся на лбу и вокруг рта, теперь разливалось по его лицу. Но его жена, Сюзанна, едва достававшая ему до плеча, была его полной противоположностью. Позднее я узнала, что в сдержанности дьякона вовсе нет жестокости. Весельчаком его не назовешь, зато он был справедливым человеком, а это я ценила гораздо больше. Сюзанна Томас улыбнулась мне и взяла мои руки в свои.

— Сильванус не говорил, что ты уже не ребенок, а почти взрослая девушка. Ты очень высокая для десяти лет.

Я кивнула, но не улыбнулась. Думаю, вид у меня был довольно свирепый, хотя на самом деле мне было страшно. Миссис Томас познакомила меня со своими сыновьями, начав со старшего и закончив самым младшим. Натаниэль, Джейкоб и Бенджамин, юноши восемнадцати, семнадцати и шестнадцати лет, среднего роста, поджарые и темноволосяные, сморщили свои одинаковые веснушчатые носы, оглядывая меня. Не знаю, чего они ожидали, но я точно не оправдала их надежд. Четырнадцатилетний Элайджа казался плотнее старших братьев, волосы у него были светлее, и улыбался он гораздо охотнее. Тринадцатилетний Эдвард выглядел точной копией брата, будто миссис Томас производила